

Гриценко Л. М.

РИТУАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАТ-КОММУНИКАЦИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/19.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 49-52. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В настоящее время внимание исследователей привлекает изучение компьютерной коммуникации, т.к. электронные технологии становятся неотъемлемой частью жизни большого количества людей. Возникновение новой информационной среды (компьютер, Интернет) является достоянием настоящего времени и влияет как на мировую культуру в целом, так и на русскую в частности. Современная компьютерная коммуникация представляет собой своеобразное коммуникативное пространство, вовлекающее в общение многих носителей языка, независимо от их половой принадлежности, образования, возраста, социального положения и т.д. В данном исследовании нас будет интересовать один из видов компьютерной коммуникации - чат, представляющий собой полилог, который состоит из высказываний, и в котором могут участвовать все присутствующие в чате коммуниканты (мы использовали чаты «Отель у Максима», «Беседы в песочнице», «Netchat»). Данные чаты не отличаются тематической закрепленностью, их участники могут свободно общаться на произвольную тему в режиме реального времени.

Можно выделить следующие особенности чат-общения:

- обязательное наличие компьютера, т.к. общение происходит с его помощью. Использование технических средств влечет за собой ряд последствий, например, «сбой» техники может привести к нежелательному прерыванию общения;
- равноправность участников коммуникации независимо от пола, возраста, социального положения;
- дистантность, т.е. разделенность в пространстве, т.к. участники могут находиться в разных городах, странах и т.д.;
- спонтанность речи, т.к. на написание высказывания отводится ограниченное количество времени, иначе оно просто «затеряется» в общем потоке. Спонтанность влечет за собой использование так называемой «естественной письменной речи», т.е. оформление речи «под устную»: орфография, сохраняющая за собой звуковую строй, употребление жаргонов, разговорной лексики и т.д. (см. об этом в работах Лебедевой Н. Б.);
- общение с анонимным собеседником, что провоцирует создание «виртуального», вымышленного образа.

В чате каждый из участников как бы играет определенную роль на «виртуальной» сцене, «стилизованной» под реальность. По мнению Солодовой М. А. любая стилизация предполагает игровое начало, т.к. является некоторым отступлением от нормы, традиции. Так, уже выбор ника является элементом творческой игры, ник - это своеобразная маска, под которой можно спрятаться или наоборот раскрыться человеку, если в реальности это не удастся в силу каких-то причин. «Игра есть добровольное действие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а так же сознанием «иного бытия», нежели обыденная жизнь» [Хейзинга 1992: 41]. Общение в чате как раз и представляет собой «добровольное действие», которое совершается в пределах виртуального пространства (отличного от реального) по определенным правилам (эти правила носят рекомендательный характер):

- нельзя оскорблять присутствующих в чате коммуникантов и сам чат, в частности, участникам общения следует избегать «агрессивной» лексики;
- высказывания должны быть краткими и точными, иначе сообщение не будет понято должным образом;
- как и в реальной жизни, в чат-коммуникации принято здороваться при «входе» в нее и прощаться при «выходе» (исключения составляют те случаи, когда коммуникант покинул чат не по своей воле);
- так же следует вступать в следующий диалог, лишь закончив предыдущий.

При нарушении указанных правил «игры» коммуникация может не состояться.

Как уже было заявлено, одним из условий успешного коммуникативного акта вообще и чат-коммуникации в частности является приветствие, прощание и другие формы ритуального общения (см. об этом в работах Берна Э., Норманна Б. Ю. и др.). Ритуал способствует установлению контакта между участниками общения, помогает формировать межличностные связи. Ритуалы отличаются тем, что в большинстве случаев не несут никакой информации и регламентируются социальными нормами и факторами. Несмотря на некую условность, стереотипность и формальность ритуалов, их наличие в чате часто необходимо, т.к. они являются одним из дополнительных элементов «игрового» общения. Рассмотрим формы ритуального общения чат-коммуникации: приветствие и прощание, в которых используется прецедентный текст. Прецедентным является текст, известный большинству носителей языка, его употребление участниками общения носит осознанный характер (см. работы Гудкова Д. Б., Караулова Ю. Н., Красных В. В.).

Любое общение начинается с приветствия, которое не является общением как таковым, а лишь готовит к нему, позволяет коммуникантам оценить возможности его продолжения. Зачастую ритуальное общение при приветствии сводится лишь к обмену ритуальными репликами: («Колобостер: приятно вас всех видеть. Привет»/«ЕкатеринаBIG: привет. Сколько зим, сколько лет»). В данном случае приветствие можно назвать «идеальным», т.к. оба участника коммуникации действуют строго в рамках заданного ритуала, одно высказывание логически вытекает из другого. Это типичное приветствие друзей, встретившихся в неофициальной обстановке, один из них использует прецедентный текст, довольно распространенный при встрече,

акцентирующий внимание на том, что коммуниканты давно не «виделись». Вообще тексты, актуализирующие семантику времени, характерны для приветствий. Отметим, что время, наряду с пространством, является универсальной миромоделирующей категорией, в том числе и виртуальной. В чат-коммуникации при ритуальном общении более частотной является актуализация прошедшего времени в значении «недавно», которое репрезентируется такими лексемами как «вчера», «час/два назад», «день назад», «сегодня утром/вечером/днем» и т.п. При актуализации будущего времени зачастую реализуется значение «скоро», репрезентируемое лексемами «завтра», «через час/два часа/день», «сегодня утром/вечером/днем» и т.п. Доминирующая позиция «недалекого прошлого» и «ближайшего будущего» в чат-коммуникации в первую очередь обусловлена его спецификой: необязательностью общения, отсутствием необходимости коммуникации. Общение происходит между незнакомыми в реальной жизни коммуникантами, которые при желании могут изменить свой виртуальный образ, ник и т.д. или вообще прекратить общение в данном чате. Кроме того, в чат-общении принимает участие множество коммуникантов и при «потере» «виртуального друга» можно достаточно легко найти себе другого - все это делает «долгое отсутствие» в чате нежелательным.

Приветствие может получать иное развитие, если один из участников воспринимает ритуальное высказывание неадекватно (т.е. буквально): «shershen1: привет, как настроение?»/«Аленча: да так, с утра ничего не получается. **Буря мглою небо кроет... вот такое у меня настроение**»/«shershen1: наверное, не с той ноги встала»/«Аленча: наверное, а ты как»/«shershen1: как всегда о кей». Следуя правилам ритуального общения, на вопрос типа «как настроение», «как дела» желательно отвечать «хорошо/нормально», т.к. главная функция вопроса, начинающего общение - фатическая, установление контакта, а не получение информации о собеседнике. Однако в рассматриваемом примере участница общения, используя прецедентный текст, пытается дать характеристику своему настроению. Такая реакция на вопрос возможна при общении людей, очень хорошо друг друга знающих. В чат-коммуникации все участники чата считают друг друга «своими», это позволяет им в ряде случаев нарушать правила ритуала и воспринимать ритуальный вопрос как буквальный.

В рассматриваемом нами диалоге оба участника употребляют прецедентные тексты - строки из стихотворения «Буря мглою небо кроет», которые ярко подчеркивают негативность, агрессивность настроения провоцируют употребление другим участником фольклорного прецедентного текста «Не с той ноги встала». Если первый прецедентный текст служит для передачи настроения коммуниканта, то второй выполняет иную функцию - он позволяет «разрядить» обстановку и сделать общение менее серьезным, что подчеркивается реакцией собеседника - он готов продолжить общение.

Как уже было отмечено, для установления контакта необходимо выполнять ряд правил (как и в любой игре), если правила нарушаются, коммуникация является неуспешной: («Мицерь: всех приветствую, всем рад»/«Вампириша: надо же вежливый какой. Его не ждали, а он приперся»). На вежливое высказывание участнику отвечает грубостью, следовательно, он не получает ожидаемого ответного приветствия. В результате коммуникация, как правило, прекращается. В данном случае можно говорить о нарушении нескольких правил чат-коммуникации: неуважительное отношение к коммуникантам, использование грубой лексики. Кроме того, происходит и нарушение ритуального общения - отсутствие приветствия. В подобных ситуациях высказываний, содержащих прецедентные тексты, нами выявлено не было.

Итак, в виртуальном общении, так же как и в реальном, ритуал приветствия является неотъемлемой составляющей коммуникации. Напомним, что ритуальное общение является частью чат-коммуникации, в которой каждый из участников «играет» определенную роль. Выбор ника в некоторых случаях совершенно случаен, а иногда он отражает, характеризует тот «виртуальный» образ, который реализует участник коммуникации. Если коммуникант строго следует актуализации своей «виртуальной» роли, он может реализовать ее и в ритуальном общении: («чечен Ичкер: ай лав не твоя: вай! алах Акбар»; «Немец: ХАЙ ГИТ-ЛЕР»). В первом случае, выбирая ник «чечен Ичкер», участник общения пытается следовать направлению заданной им «игры», при этом он использует соответствующее приветствие «аллах акбар». При дальнейшем общении данный участник не отступает от своей «роли». Так, он выстраивает свои высказывания особым образом, акцентируя внимание на фонетическом оформлении реплик, присущих «человеку с востока»: («Jorjio: а ты че правда чечен/«чечен Ичкер: я приехал с Кавказа, арел маладой»). За данным прецедентным текстом, взятым из стихотворения А. С. Пушкина, стоит определенный комплекс представлений и знаний о людях, живущих на Кавказе: они живут в горах, обладают такими характеристиками, как смелость, гордость, свободолюбие, сравнение их с орлом достаточно частотно в нашей культуре. Однако такого рода ассоциации появляются благодаря использованию и определенного ника, и соответствующей лексики, и прецедентного текста.

Во втором случае мы видим, что, пытаясь соответствовать своему виртуальному образу, участник коммуникации употребляет в качестве приветствия определенный прецедентный текст: «Хай Гитлер». В. В. Красных называет тексты подобного рода прецедентными именами и говорит, что они в ряде случаев актуализируются через прецедентную ситуацию [Красных 2002: 80]. Так, имя Гитлера вызывает устойчивую ассоциацию, связанную с Германией, поэтому употребление его не случайно, т.к. коммуникант, использовавший его, выбрал ник «немец».

В отличие от реального общения, в чат-коммуникации отсутствует визуальный контакт участников, что в некотором роде делает общение несколько ущербным. При встрече друг с другом коммуниканты в реальной жизни могут позиционировать себя с помощью мимики, жестов, а так же внешнего вида, т.к. «встречают по

одежке», т.е. сначала участники общения видят друг друга, а потом вступают в коммуникацию. Если участник общения «хорошо выглядит», то можно предположить, что и контакт будет более успешным. В виртуальном пространстве коммуниканты пытаются компенсировать отсутствие возможности «удивить» собеседника при «встрече» эффектным внешним видом с помощью «красивого» слова. Так, в ряде случаев при приветствии участники чат-коммуникации используют прецедентные тексты, источниками которых являются афоризмы, киноцитаты, стихотворные строки и т.д. Например: («DR.igor»: **человек знает лишь то, что ничего не знает, но некоторые не знают и этого** (Всем привет кто меня слышит и знает!!)!»); «Зайки: **спортсменка...отличница...просто красавица...ну ладно, хватит об мне, всем привет!**»). В первом случае участник употребляет в качестве прецедентного текста афоризм, трансформируя его, а именно добавляя к нему фрагмент: «но некоторые не знают и этого», что наполняет текст новыми смыслами и придает ему иронический оттенок. Данный прецедентный текст не несет важной для коммуникантов информации, а используется с целью привлечения внимания к себе.

Второй пример демонстрирует то, как участник при помощи прецедентного текста, взятого из кинофильма, пытается привлечь к себе внимание. Употребление прецедентного текста не имеет своей целью охарактеризовать участника, его образ остается завуалированным, нераскрытым.

Рассмотренные высказывания как раз и являются примером того, как участники при помощи «красивого» слова в ритуальном общении пытаются «преподнести» себя. Однако если в первом случае для участника важно актуализировать свои интеллектуальные способности - он употребляет афоризм, то во втором примере мы видим, что коммуникант акцентирует внимание на характеристике своих внешних и внутренних качеств. На наш взгляд «позиционирование себя» с разных сторон во многом объясняется гендерными стереотипами. Участник, использующий афоризм, имеет «мужской» ник и, скорее всего, является представителем мужского пола, т.к. для мужчин наиболее важным является продемонстрировать свой интеллект. Коммуникант под ником «Зайки» использует прецедентный текст, актуализирующий иные, «женские» стереотипы.

Еще одной составляющей ритуального общения, как в реальной, так и в виртуальной жизни является прощание. В чат-коммуникации прощание не представлено так разнообразно как приветствие, т.к. в некоторых случаях «выход» из чата является вынужденным, по причине удаления из сети модератором за использование нецензурной лексики, за оскорбление других участников коммуникации, т.е. за нарушение правил «игрового» общения. Зачастую участники общения выбывают из чата по техническим причинам. В ряде случаев, при «входе» в незнакомый чат, коммуникант произносит приветствие, однако, не найдя интересной темы для себя, может «выйти» не попрощавшись. Если же участник общения является постоянным посетителем чата, то отсутствие ритуальных высказываний приветствия и прощания расценивается другими как невежливость и считается нарушением правил: («Бот (модератор): чат покидает Гиперпарень»)/«Магнолия: а че Гиперпарень ниче не сказал, зазнался наверно»)/«Унесенная ветром: он русский или еврей?»)/«Магнолия: **ушел то по английски**»)/« Унесенная ветром: а может по еврейски»). Отсутствие прощальной реплики осуждается участниками и провоцирует иронические высказывания, что актуализируется следующими лексемами: «зазнался», «еврей», «по-английски», «по-еврейски». Коммуниканта, пренебрегшего правилами речевого этикета, остальные участники чата оценивают отрицательно. Этноним еврей актуализирует этностереотипы: эти люди наделяются такими характеристиками, как хитрость, жадность, лживость, которые не свойственны русскому человеку и воспринимаются как «чужие». Оппозиция «свой/чужой» получает актуализацию в вопросе «он русский или еврей?». Отметим, что до игнорирования ритуала прощания участник чат-коммуникации воспринимается как «свой», однако, нарушив правила ритуала, его приравнивают к «чужим». Противопоставление «свой/чужой» актуализировано и в высказывании «ушел по-английски», которое является прецедентным текстом. Рассматриваемый текст провоцирует возникновение определенных знаний о ситуации, которая актуализирована в данном примере: «уйти по-английски» реализует значение «уйти не попрощавшись». Если для английской культуры «уйти не попрощавшись» является нормой, то для русской - это отступление от нормы. Отсутствие ритуала прощания оценивается отрицательно, т.к. значение «уйти по-английски» как бы вступает в оппозицию со значением «уйти по-русски» и соответствует противопоставлению «чужой/свой». Использование прецедентного текста приводит к языковой игре: лексема «по-английски» заменяется на «по-еврейски», что придает тексту иронический оттенок. При замене лексического компонента реализуется значение «поступил не по правилам, как чужой».

В ритуальном общении прощания, так же как и при приветствии, чаще встречаются высказывания, указывающие на то, что говорящий «скоро вернется»: («КараУл: всем пока, надо идти делами заниматься»)/«Голубоглазка: когда еще увидимся то»)/« КараУл: и глазом моргнуть не успеешь»). Участник использует прецедентный текст, употребляемый дословно и реализующий значение «очень скоро». Данный диалог представляет собой пример «идеального» ритуального общения, где соблюдены все правила. Однако анализируемый нами материал показывает, что в ритуальном общении при прощании, так же как и при приветствии, прецедентные тексты употребляются не часто, это связано с тем, что данного рода общение, как правило, имеет ограниченное количество ритуальных высказываний, во многом за счет того, что в нем распространены клишированные формы. Некоторые прецедентные тексты (такие как «сколько лет, сколько зим») также можно отнести к клишированным формам ритуального общения. Однако большинство прецедентных текстов, используемых в ритуальном общении, имеют другой характер: они, не являясь клишированными, оказываются включенными в ритуал и наполняют высказывания дополнительным содержанием.

Итак, ритуальное общение является важной частью чат-коммуникации, служащее во многом установлению и поддержанию контакта между участниками общения. В ряде случаев при ритуальном общении участниками могут использоваться прецедентные тексты в неизменном или трансформированном виде. Наиболее часто чат-коммуникация представлена «идеальным» ритуальным общением, т.е. общением, выстроенным по правилам. В некоторых случаях могут наблюдаться отступления от норм, правил, которые воспринимаются по-разному. Так, например, если в приветствии или прощании употребляется бранная лексика - это вызывает негативное отношение собеседника, т.к. расценивается как нарушение правил. Однако восприятие ритуального высказывания как прямого вопроса (например, вопрос «как дела») не воспринимается отрицательно, т.к. не выходит за рамки «игрового» общения участников. В проанализированном нами материале в равной степени используются прецедентные тексты, имеющие своим источником кинофильмы, стихотворения, афоризмы. Большинство прецедентных текстов восходит к пословицам, т.к. пословицы наиболее ярко отражают ценности как традиционной, так и современной национальной культуры.

Список использованной литературы

1. **Красных В. В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. - С. 80.
2. **Лебедева Н. Б.** Естественная письменная речь, проблемы изучения // Русский язык, исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. - М., 2001. - С. 4-6.
3. **Солодова М. А.** Русский текст и метатекст в молодежной субкультуре: идеология, прагматика, структура (на материале песен отечественных рок-групп и рецензий на них): Дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 2001.
4. **Хейзинга Й.** Homo ludens. В тени завтрашнего дня. - 1992. - С. 41.

«МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ» В РОМАНЕ В. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Давыдова А. В.

Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Термин «московский текст» используется в современном литературоведении по аналогии с термином «петербургский текст» и обозначает непосредственное или опосредованное (по ассоциации) указание в художественном произведении на пространство и жизнь Москвы. «Московский текст» представляет собой целую систему взаимосвязанных друг с другом и «разбросанных» на разных уровнях произведения художественных деталей, образов и мотивов, которые отражают особенности индивидуально-авторского мировосприятия и отсылают к устойчивой литературной и культурной традиции.

Действительно, топоним Москвы в отечественной литературе выступает как знак истинно русской жизни. Москва (по сравнению с Петербургом) воспринималась как русская столица и воплощение русской души и национального характера. Вспоминаются пушкинское «Москва, Москва! Как много в этом звуке / Для сердца русского слилось...»; определения Н. В. Гоголя, который в «Выбранных местах из переписки с друзьями» сравнил Москву с купцом, гуляющим на широкую ногу, а Петербург с «вытянутым в струнку щёголем», чопорным и великосветским. Или образы старой Москвы в повести И. Шмелёва «Лето Господне», контекстуально взаимосвязанные с христианскими мотивами и темой детства. Или Москва старинных церквей и монастырей, старообрядческих кладбищ и купеческих кабаков в «Чистом понедельник» И. Бунина, и отзывающиеся на это цветаевские строки: «У меня в Москве купола горят...». В то же время стоит отметить, что Москва не идеализировалась в русской литературе (фамусовская Москва в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»), так как слишком тонка грань между патриархальностью и косностью и слишком непредсказуем русский национальный характер, легко переходящий от соборной любви к жестокости.

По-своему эту литературную традицию переосмысляет в своём романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканин. «Московский текст» здесь реализуется на трёх основных уровнях: с помощью собственно пространственных образов, с помощью образов времени и концептуальных пар. Рассмотрим последовательно эти структурообразующие «московский текст» романа уровни.

Среди образов, характеризующих пространство Москвы у Маканина, прежде всего стоит выделить сквозной в романе образ общежития. Главный герой Петрович не имеет своего дома, только койко-место в крыле К московского общежития. Он зарабатывает на жизнь тем, что сторожит комнаты находящихся в отъезде жильцов. Эта неприкаянность, бездомность остро переживается героем: он лжёт брату Вене, что все квартиры, куда они приходят, принадлежат ему; Петрович «влюбляется» в «квадратные метры», которые могли бы стать его собственными, если бы он сторожил дачу у бандита, и чувствует себя раздавленным, когда лишается их. С другой стороны, очевидна самоирония героя по отношению к этой своей жажде обретения жилплощади (агэшник - вечный странник и бомж!) и ирония по отношению к жильцам, соседям, которые не гнушаются никакими средствами, чтобы только присоединить к своим квадратным метрам чужие. Маканин словно намекает на знаменитые слова булгаковского Воланда («Москвичей испортил квартирный вопрос»), но в то же время подчёркивает, что и москвичи-то ненастоящие: большинство из них - приезжие. Подмена истинного ложным становится чуть ли не главным законом абсурдной жизни в общежитии: естественное стремление человека к домашнему уюту и обретению семьи подменяется временной по своему замыслу, по сути постоянной, вечной, жизнью в общежитии и одиночеством (Петрович, Ната, Зина и др.); законы общежития, которые должны строиться на взаимоуважении и взаимопомощи оборачиваются жестокостью и эго-